

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЭМИГРАЦИИ: РЕПУТАЦИЯ, ПОЭТИКА

УДК 821.161.1-3(Бунин И. А.):811.133.1'38
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44+Ш147.11-55

ГСНТИ 17.09.09

Код ВАК 10.01.08

В. В. Полонский

Москва, Россия

Левая французская печать об И. А. Бунине: к вопросу о формировании идеологической репутации писателя в 1920-е — 1930-е годы

Аннотация. Основным предметом изучения в статье выступает эволюция восприятия Бунина-эмигранта во французской левой печати межвоенного периода. Объектами исследования становятся отклики в газетах соответствующей идеологической ориентации на появление книг писателя во французских переводах, статьи и заметки о нем. Преимущественное внимание уделено анализу центральной коммунистической газеты Франции «Юманите», что обусловлено, в частности, тесным сотрудничеством с этим изданием Мориса Донзеля (Парижанина), основного переводчика сочинений Бунина на французский язык. Автор прибегает к сквозному обследованию материалов о Бунине в левой печати, рассматривая данный материал на широком историко-культурном фоне эпохи и одновременно обращаясь к семантическому анализу публицистического дискурса во франкоязычных буниноведческих статьях. В большинстве своем они впервые переводятся на русский язык и вводятся в научный оборот. В работе отвергается сложившийся стереотип о неизменной враждебности между Буниным и крайне левым лагерем. Последовательный просмотр откликов на ранние франкоязычные издания писателя подводит к выводу, что в первой половине 1920-х левая парижская печать совершает попытки идейно «уроднить» себе новооткрытого мастера русской литературы, адаптировать его творчество к собственным ценностным шаблонам. Показано, что при всем антисоветизме Бунина в начале 1920-х его литературная репутация во французских левых кругах оставалась достаточно лабильной и гибкой, что позволило Ромену Роллану привлечь его к сотрудничеству с журналом «Europe». Однако совокупные попытки ввести Бунина под сень левой печати и встроить его творчество в семантически расширенные лексика искусства, «причастного революционности», начали вызывать тревогу у самого писателя, решившего в итоге демонстративно дистанцироваться от навязываемой роли. В итоге автор статьи показывает, как за 15 лет в восприятии крайне левой французской прессы бывлой «подсознательный революционер» Бунин превратился в фашиста, и делает вывод, что подобная эволюция в масштабе динамики литературной репутации одного конкретного писателя отразила значительно более широкие процессы тоталитаризации общественных институтов, идеологического сознания и риторических практик.

Ключевые слова: французский язык; французские СМИ; переводы; литературная репутация; переводная литература; художественный период; русская литература; русские писатели; средства массовой информации; СМИ.

V. V. Polonskiy

Moscow, Russia

Leftist French Press on Ivan Bunin: the Writer's Literary Reputation Forming in the 1920s — 1930s

Abstract. The study dwells on the evolution of Bunin reception in the French leftist press of the interwar period. The objects of the research are the reviews in Newspapers of the corresponding ideological orientation of the writer's books in French translations, articles and notes about him. The main attention is paid to the analysis of the Central Communist newspaper of France «L'Humanité», which is due, in particular, to the close cooperation with this edition of Maurice Donzel (Parijanine), the main translator of Bunin's works into French. The author resorts to the end-to-end examination of materials about Bunin in the leftist press, considering this material on a wide historical and cultural background of the era and at the same time resorting to the semantic analysis of journalistic discourse in French-language articles on Bunin. Most of them are translated into Russian for the first time and introduced into scholarly circulation. The paper rejects the stereotype of constant hostility between Bunin and the far left camp. A sequential review of the reactions to the early French-language editions of the writer leads to the conclusion that in the first half of the 1920s. The leftist Parisian press makes attempts to ideologically appropriate the newly discovered master of Russian literature, to adapt his work to its own value patterns. It is shown that in the early 1920s the literary reputation of anti-Soviet Bunin in the French leftist circles remained quite labile and flexible, which allowed Romain Rolland to attract him for cooperation with the review «Europe». However, the combined attempts to involve Bunin under the canopy of the leftist press and to accommodate his work in the semantically expanded patterns of art «involved revolutionism» began to cause anxiety in the writer, who eventually decided to demonstratively distance himself from the imposed role. As a result, the author shows how for 15 years in the reception by the far leftist French press the former «subconscious revolutionary» Bunin turned into a fascist, and concludes that such an evolution in the scale of the dynamics of the literary reputation of one particular writer reflected a much broader process of totalitarization of social institutions, ideological consciousness, and rhetorical practices.

Keywords: French; French mass media; translations; literary reputation; translated literature; artistic period; Russian literature; Russian writers; mass media.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 17-18-01410) в ИМЛИ РАН*

*This work is supported by the Russian Science Foundation under the grant № 17-18-01410
and realized at IWL RAS*

Перебравшись в марте 1920 г. в Париж, И. А. Бунин как писатель оказался в двойственном положении. Для соотечественников-эмигрантов он несомненно был крупнейшей литературной фигурой, центральным

представителем современной русской словесности, в то время как французской читательской аудитории — в том числе и профессиональной критике — его имя оставалось практически неизвестным. В первые два

года эмиграции оно на страницах местных газет и журналов, по справедливому замечанию автора наиболее полного на сегодняшний день обзора материалов о Бунине во французской прессе, «мелькало <...> лишь как отголосок субкультуры русских послереволюционных беженцев» [Марченко 2010: 499]. До революции на французский было переведено лишь одно стихотворение Бунина — «Листья падают», вошедшее в антологию русской поэзии, составленную из переводов О. Лансере [Lancerau 1911: 22]. И хотя с 1921 г. начали выходить во французских переводах — причем высококачественных — основные прозаические вещи писателя, даже по прошествии 12 лет в передовице, посвященной присуждению Бунину Нобелевской премии в «Nouvelles littéraires», З. Львовский констатирует: «В отличие от Максима Горького, которого французский читатель знает хорошо, с Иваном Буниным он знаком очень мало» [Lvovsky 1933]¹. Критик, разумеется, имел в виду прежде всего широкого читателя. Говорить о том, что французская профессиональная литературная среда не замечала выхода сочинений русского писателя до получения им лавров Шведской академии, никак нельзя. Достаточно вспомнить, что среди авторов рецензий на две первых книги прозы Бунина по-французски значился Анри де Ренье [Régnier 1921; Régnier 1923], а на Нобелевскую премию его первым в 1923 году номинировал Ромен Роллан [Марченко 2007: 294].

И все же литературная репутация Бунина во Франции была несоразмерна известности иных иностранцев-нобелиатов — скажем, Гауптмана, Гамсуна или Томаса Манна. Причины тому достойны отдельного обсуждения. Однако свое место среди них занимает и засвидетельствованное большинством мемуаристов последовательное дистанцирование Бунина от французских литературных кругов. В. С. Яновский связывает это с осознанием писателем-снобом собственной «интеллектуальной беззащитности» в общении с иностранцами, — потенциальной уязвимости, обусловленной несовершенным владением французским языком и теми изощренными кодами европейской культуры, какие усваиваются с классическим системным образованием, у него отсутствовавшим [Яновский 2000: 312].

В любом случае Бунин начала 1920-х для русской эмиграции — мэтр отечественной литературы, явивший себя убежденным противником большевистского варварства и советской власти. Для французской же читательской аудитории, неосведомленной в нюансах политической колоратуры русской общины с ее непростым идеологическим анамнезом, он — чистый лист, который лишь предстоит заполнить содержанием по мере ознакомления с публикуемыми сочинениями неизвестного доселе автора, почему-то именуемого наводнившими Париж соотечественниками едва ли не «великим».

Таков контекст, в котором начинают появляться бунинские прозаические переводы на французский и проступать пунктиром первые векторы его репутации во франкоязычной среде, в том числе

репутации идеологической. А в нервной обстановке Европы послевоенных лет, подогретой парами русской революции, именно эти аспекты зачастую выдвигались на первый план.

Процесс более или менее полноценного освоения бунинского дореволюционного прозаического наследия французской литературной средой был запущен публикацией издательским домом Боссара в 1921-м сборника рассказов «Господин из Сан-Франциско» [Bouquine 1921] и в 1922-м повести «Деревня» (с «офранцузженной» жанровой спецификацией: «роман») [Bouquine 1922]. И более чем примечательно, что обе книги вышли в переводе Мориса Донзеля (1885–1937). Этот французский литератор был тесно связан с Россией, где до революции преподавал французский язык и женился на сестре Б. К. Зайцева. Во Франции он активно занимался популяризацией русской литературы, переводил Л. Толстого, Мережковского, Бабеля, Серафимовича, Фадеева, Сашу Черного, выступая в печати под графически галлицизированным русским псевдонимом Parjjanine (Парижанин), прибавляя его к собственному имени, либо под собственным именем без фамилии — Maurice.

Морис Парижанин сыграл колоссальную роль в ознакомлении французской публики с Буниным, выпустив в собственном переводе помимо упомянутых книг сборник прозы «Чаша жизни» [Bouquine 1923] и — главное — первую часть «Жизни Арсеньева», вышедшую под названием «У истока дней» [Bouquine 1935]. Он тонко и пронизательно писал о Бунине, но прежде всего переводил его с образцовым, редким мастерством, по стилистической изощренности конгениальным оригиналу, что неоднократно отмечалось наиболее профессиональными критиками (см., в частности, оценки, приведенные в: [Марченко 2010: 511, 530]).

Таким образом он во многом задавал траектории восприятия Бунина во Франции 1920-х. Однако ирония состоит в том, что подобным формированием писательской репутации в Париже последовательного антибольшевика и антисоветчика Бунина занимался литератор крайне левого лагеря: Морис Парижанин был убежденным коммунистом, с 1921-го по 1928-й — редактором и постоянным автором литературной рубрики в газете «L'Humanité», автором апологетического сочинения «Ульянов Ленин» [Maurice 1924], несколько позднее — переводчиком автобиографии [Trotsky 1930] и «Истории русской революции» [Trotsky 1933] Л. Д. Троцкого. Творческо-экстатический пафос переживания революции, вероятно, многое определил в сближении Парижанина именно с троцкистским лагерем внутри коммунистического движения, что в конце концов в 1928-м на волне коминтерновских расправ с оппозицией привело к его изгнанию из редакции «L'Humanité». Однако до того он несомненно был одним из ключевых интеллектуалов газеты, равно как и «красного» фланга парижской печати в целом. И эта идейно-цветовая гамма, непосредственно связанная с переводчиком и критиком-пропагандистом Бунина, по-видимому, поначалу могла ощущаться как значимая в перспективе формирования сугубо французской репутации писателя. Сам Бунин, по всей вероятности, мог поначалу этого не осознавать — в силу неосведомленно-

¹ Здесь и далее перевод франкоязычных источников на русский автора статьи.

сти в тонкостях местного идеологического ландшафта. По крайней мере существует документальное свидетельство, что в доме писателя, который сотрудничать с Донзелем-Парижанином начал вскорости после переезда в Париж (напомним, что первый сборник в его переводе вышел в 1921-м), в течение двух-трех лет о политической позиции переводчика могли просто не знать. Так, в дневнике Веры Николаевны Муромцевой-Буниной от 4 декабря 1923 г. мы встречаем такую запись: «Отправилась к Боссару. Ян надписывал свои книги. Там был и Донзель. Похудел: очень много работает. Признался, что коммунист. Я сказала, что не верю ему. Он промолчал. Переводит Пильняка. Я сказала: “Перевод будет лучше оригинала”»¹.

Однако каким бы образом мы ни интерпретировали это обстоятельство — как свидетельство неосведомленности Буниных о политических воззрениях Мориса Парижанина или недоверия к ее искренности и глубине — аудитория, в том числе и та, что задавала тон во французской печати, подобный идеологический аккомпанемент, кажется, оценивала достаточно ясно. И пыталась делать соответствующие выводы.

Последовательный просмотр откликов на ранние франкоязычные издания Бунина подводит к заключению, что на этом этапе левая парижская печать совершает попытки идейно «уроднить» себе новооткрытого мастера русской литературы, адаптировать его творчество, все более обращая на себя внимание, к собственным ценностным шаблонам. Тому, кажется, сопутствует сам характер двух первых опубликованных по-французски книг прозы Бунина, составленных из дореволюционных шедевров. И «Господин из Сан-Франциско», и «Деревня» легко подавались подобной интерпретационной перекодировке в околomarксистском европеизированном ключе: как образцовый символично-параболический приговор обреченной буржуазной цивилизации в целом и вязкой теллурической архаике сметенной революционным вихрем кондово-народной Руси с ее непросветленно-хаотическими гримасами — в частности. К тому же с середины 1922 г. благодаря М. Алданову и газете «Слово» в русском Париже начинают активно обсуждать ближайшие планы по номинированию на Нобелевскую премию отечественных писателей, покинувших после революции родину, и имя Бунина звучит среди первых [Марченко 2007: 292–294]. Эти дискуссии достаточно быстро выплескиваются за границы сугубо эмигрантской общины и проникают во французскую литературную среду, вызывая дополнительный интерес к писателям-претендентам.

Повторим, в этих обстоятельствах левая французская печать — и, очевидно, не без активного участия Мориса Парижанина — делает первые шаги по «апроприации» Бунина, на худой конец — аккуратному внедрению его фигуры в новый реестр «путнической» словесности, потенциально полезной в деле «борьбы за литературный прогресс».

Так, уже первая рецензия на «Господина из Сан-Франциско» в одном из декабрьских номеров коммунистической «L’Humanité» за 1921 г. строится

на антитезе декларируемой антисоветскости Бунина и его имманентной революционности:

«Пятидесятилетний русский писатель Бунин — эмигрант, исполненный ненависти к советскому режиму, в котором он усматривает нечто вроде Царства Дьявола. Поэтому его не могут обрадовать слова о том, что по своему видению мира и людей он — революционер. И все же мы видим в нем революционера — по его терпкой и пылкой впечатлительности, по силе, с которой отзываться в нем реальность социальных отношений, но никогда не выражаемо, но всегда присутствующему чувству, что “так — не хорошо, надо бы это изменить”».

Внося в подобные утверждения такое неистовство, такой бредовый ужас со столь же неупорядоченной трогательностью, он — не просто тот, кого мы называем революционером, но — и это достаточно отраднo — тот, кого за собственной подписью этим именем кличут такие же контрреволюционеры, как и он сам. Это значит, что он — страстный мечтатель, под властью собственной чувствительности деформирующий образы реальности и преобразующий их великой силой рассказчика и писателя.

Среди рассказов (очень прилично переложенных на французский), содержащихся в этом томе, нет проходных, а один («Хорошая жизнь») представляется мне шедевром — из тех странных шедевров русской литературы, какие, кажется, одновременно заключают всю жизнь в фатальное кольцо и раскрывают бесконечные пути к неведомому» [М. М. 1921].

Здесь обращает на себя внимание характерное расширение коннотаций самого понятия революционности, включение в его семантическое поле значений эстетического экспериментаторства, чающего тотального преобразования жизненных форм прокреативной силой художественной субъективности. В результате Бунин-художник предстает едва ли не подсознательным авангардистом — в контрфорс собственной доктринерской «реакционности».

Еще далее в деле экспансивного расширения концепта революционности применительно к Бунину с сопутствующим разворачиванием и диалектическим развитием положения о его двойственности пойдет Морис Парижанин. По истечении месяца с небольшим, в конце января 1922 г. он выступит на страницах той же «L’Humanité» с развернутой статьей о Буине, где от эстетического кода «революционизации» феномена русского писателя, предложенного автором приведенной выше рецензии, перейдет к коду библейско-религиозному — важной доминанте ранней коммунистической риторики с ее пафосом новой сакральности.

Осторожно «пожурив» русского писателя за то, что тот прямым изложением своей идеологической позиции дал возможность французской критике упокоиться на примитивной одномерности политического порядка, презрев «сущность его мысли, его искусства», Парижанин сразу, с первых строк задает высокий библейский аналог бунинскому гению, предлагает спиритуализированный метафорический ключ к его культурной модели. Предварив статью цитатой из Пятикнижия, он по сути уподобляет русского писателя библейскому прорицателю Валааму,

¹ Русский архив Лидса. MS.1067/379.

который вопреки собственной воле и по воле Божией, намереваясь проклясть израильтян, трижды изрекает обратное: «Хранитель истины, тщетно старается пророк угодить своим друзьям: истина вопиет его устами — и он благословляет их врагов. Такова история Валаама». Параллель достаточно прозрачна: как бы ни тщился Бунин засвидетельствовать неправду собственной «контрреволюционности», сама сила писательской гениальности, подобная воле Божией библейской истории, заставляет его как художника проречь прямо противоположное — истину. По Морису Парижанину, эта истина — в динамическом симбиозе ненависти и любви.

Описывая объекты ненависти Бунина — писателя, неизменно настраивавшего свой голос по камертону пушкинской ясности, тургеневской прозрачности и разящей классической точности Толстого, — критик, как бы пренебрегает этими эстетическими ориентирами. И сочленяет риторику социального бунтарства, горьковского революционного отрицания «свинцовых мерзостей» жизни с утрированной поэтикой бодлеровских разящих инвектив в адрес падали вселенской буржуазности:

«Что он ненавидит? Этот старый современный мир, его гордыню, основанную на сомнительной силе и иллюзорном богатстве; ребячество, суету его капризов; низость, непостижимую жестокость этой мнимой цивилизации, где человек затравливает человека; бессознательную глупость существа, которое на уроках природы мнит, что оно наделено разумом; его безвольную податливость ударам боли, его неспособность облагородить страдания самоотречением и милосердием; неизменную преступность душ; отупение и невежество смиренников, ложную симпатию и тщеславное превосходство тех, кто их угнетает; всепожирающую алчность, что желает одного — поживиться имуществом нищих и служит ныне оправданием любых гнусностей; разложение, смрад, источаемый современной жизнью; самого Бога, ставшего инструментом оболванивания и адвокатом злодеяний».

Но диалектическая логика заставляет марксиста Парижанина, доведя эту кумуляцию отрицаний до fortissimo богоборчества, органично транспонировать тезис ненависти в антитезис любви — без смены объекта этих чувств. И заключить: «Так что же он любит, этот Бунин? — Да прежде, прежде всего тех, кого презирает, кого прокликает. В искусстве, будто в ходе эксперимента, случаются такие, бунинские, скачки-развороты в отношении существ, глубоко ненавидимых, жестоко поруганных и растоптанных; это порывы братских чувств к богатому тупице, к утонченному мерзавцу, к угрюмому скоту, к трусу, к безумцу...» [Maurice 1922].

Далее Парижанин приводит тонкие и яркие лаконичные примеры в доказательство этого закона, действующего в глубинных пространствах литературного мира Бунина. И в конце концов подобная модель органической обратимости тезиса и антитезиса предстает несущей конструкцией целостной поэтики писателя. Морис завершает статью как изощренный и пронизательный критик. Но к эмпириям эстетических заключений он пришел, оттолкнувшись от политической эмпирии, развернув на

этих разных уровнях одну и ту же константу бунинского смыслопорождения — взаимобратимость полюсов. И если на уровне эстетики это действительно задавало новую оптику в постижении художественного космоса писателя, то в политической реальности все сводилось к тому же идеологическому допущению: сознательный антисоветчик Бунин бессознательно благословляет революцию.

И все же Морис Парижанин был слишком чутким и широким человеком, чтобы догматично цемментировать живую органику художественного мира этой упрощающей формулой. Совсем пренебречь вопросом об отношении Бунина к революции он не мог. Однако снимал его в итоге гибким, но приемлемым для радикально левого интеллектуала положением. Как в финале предисловия к французскому изданию «Деревни», которое 27 августа 1922 г. было перепечатано в той же «L'Humanité»: «<...> меня упрекали, что я не сказал достаточно определенно о том, что Бунин — непримиримый противник Октябрьской революции. Но для него художественные произведения важнее полемических статей. Для нас же его книги — свидетельство, без которого мы не можем здраво судить о революции и ее истоках»¹.

Трудно поверить, что факт перепечатки Парижанинем предисловия в официальном органе французских коммунистов остался неизвестен Бунину, тщательно следившему за упоминанием своего имени в прессе и собиравшему газетные вырезки с соответствующими материалами. А если он об этом знал, то вряд ли до конца 1923 г. находился в неведении относительно политических взглядов своего переводчика. Очевидно, до определенного времени его это особо не беспокоило. Да и для французских критиков, так и надзорных органов — если судить по материалам бунинского досье в Архиве парижской полиции, — не было ничего экстраординарного в наличии опосредованных связей Бунина с левой прессой: в конце концов он постоянно сотрудничал с эмигрантскими либеральными «Последними новостями», которые во франкоязычной среде проходили по разряду «левых» изданий.

При всем антисоветизме Бунина в начале 1920-х годов не без влияния левой печати его литературная репутация во Франции оставалась достаточно лабильной и гибкой. Так, стремительно левеющий в это время Ромен Роллан вполне трезво отдает себе отчет в идеологической чуждости русского писателя. Однако это никак не мешает ему со всей открытостью отнестись к бунинскому художественному дару. В письме к Луизе Круппи от 20 мая 1922-го Роллан так говорит о писателе, которого через полгода сам представит на соискание Нобелевской премии: «Конечно, он отнюдь не наш, он неистово, желчно антиреволюционен, антидемократичен, антинароден, почти антигуманен, пессимист до мозга костей. Но какой гениальный художник! И, несмотря ни на что, о каком новом возрождении русской литературы он свидетельствует! Какие новые богатства красок, всех ощущений!» [ЛН 1973: 375].

¹ Цит. по опубликованному русскому переводу: [Парижанин 1922: 582].

Тогда же, как явствует из ответных писем Бунина Роллану, отложившихся в фонде французского писателя Рукописного отдела Национальной библиотеке Франции¹, он направляет русскому собрату письмо с высокой оценкой его творчества, но и вполне четкой констатацией их идейных разногласий. Последнее, однако, не мешает Роллану в январе 1923 г., сразу вслед за написанием официального представления в стокгольмский нобелевский комитет на Бунина, пригласить его в свой новосоздаваемый левый парижский журнал «Еurore». В письме от 6 января 1923 г. тот с готовностью принимает это предложение². И, действительно, становится участником уже первого номера нового ролландовского издания, где публикуется французский перевод его рассказа «Безумный художник» — опять же выполненный Морисом Парижанином [Bouvine 1923a]. Конечно, «Еurore» не был партийным журналом: его гуманистическая платформа не вмещалась в прокрустово ложе догматики. Однако идеологически он очень сильно тяготел к красной части политического спектра. Не случайно на его страницах регулярно печатались постоянные сотрудники «L'Humanité» — тот же Парижанин, видный критик Леон Базальжетт и др., а сама главная коммунистическая газета сочувственно анонсировала выход нового — близкого себе — журнала [Maurice 1923].

Однако, по всей видимости, совокупные попытки завлечь Бунина под сень левой печати и вместить его творчество в коннотативно расширенные лекала искусства, «причастного революционности», могли начать вызывать тревогу у самого писателя, который своего отношения к Советам все же никак не менял. В результате у него, вероятно, постепенно укрепилось желание демонстративно дистанцироваться от той роли, какую пытались к нему примерить в левом лагере. И от идеологических искушений, связанных с попытками так растянуть семантическое поле концепта «революционность», чтобы — пусть и через узкую калитку новаторской литературной эстетики — туда можно было завлечь самого Бунина.

Таковы, очевидно, подтекст и контекст статьи-интервью с писателем, опубликованной французским литератором-русофоном Жозефом Кесселем в уважаемой нейтральной газете «Les Nouvelles littéraires» 24 марта 1923 г. Основной предмет обсуждения с Буниным здесь — как раз «революционная литература», в сущности та самая, с которой столь настойчиво пытался соотнести автора «Господина из Сан-Франциска» автор первой рецензии в «L'Humanité». Отвечая на вопросы корреспондента, Бунин косвенным образом отмечает построения коммунистического рецензента, предлагая свежую вариацию — хотя и значительно более сдержанную — нашумевшей развернутой инвективе в адрес «литературного распада» современной эпохи, с какой он выступил осенью 1913 г. на знаменитом банкете в «Славянском базаре» в честь юбилея газеты

«Русские ведомости»³. Только тогда предметом гневной отповеди была «декадентская» литература. Теперь же — литература «революционная». Как мы увидим, с точки зрения Бунина, их связи друг с другом не столь очевидны:

«<...> — Что Вы понимаете под революционной литературой? <...> Нужно уточнить термины, поскольку обычно смешивают политическую революцию с революцией литературной. Полагают, что вторая рождается из первой. Это заблуждение.

У нас, действительно, имела место литературная революция, но ей уже около двадцати лет. Тогда возникло движение болезненного беспокойства, “переоценки ценностей”, произошел внезапный разрыв с прошлым. Желали нового любой ценой. Оригинальность стала для поэтов и прозаиков основной целью.

Сразу Вам скажу, что иступленная погоня за оригинальностью кажется мне, и всегда казалась, ошибкой.

Я принимаю ее на худой конец в такой стране, как Франция, где века высокой и великолепной цивилизации могут создать впечатление, что плоды литературной эволюции уже все собраны. Но у нас, где литература по-настоящему родилась лишь около века назад, с Державиным и Пушкиным, разумно ли начисто порывать со столь молодой традицией и бросаться наудачу, без руля и ветрил, в океан слов и образов?

Да и само желание нового не есть ли уже слабость? Не есть ли это нечто предумышленное, а значит — искусственное? Это желание идет из головы, а не из таинственных глубин, где вырабатывается талант. Чтобы принудить свою природу, ее разбивают или деформируют.

Что любопытно: наши “революционные” поэты, чтобы казаться новыми для русской литературы, вдохновлялись Западом. Так что их оригинальность основывается на подражании. Наши символисты, футуристы и декаденты непосредственно происходят от своих собратьев во Франции и Италии. Ограничиваясь лишь немногими примерами из числа наиболее выдающихся писателей, скажу, что в Маяковском содержится весь Маринетти, а вся символистская школа — в Александре Блоке <...>

Продемонстрировав таким образом, что своими тенденциями современная русская литература лишь продолжает усилия, предпринятые в начале века, г-н Бунин подчеркивает тот факт, что ее личный состав не изменился. И, действительно, мы перебираем наиболее ярких так называемых большевистских писателей — поэтов и прозаиков и г-н Бунин указывает мне на то, что он всех их знал еще пятнадцать лет назад в Москве.

И тем не менее добавляет:

— По правде говоря, нынешний переворот привел несколько новых людей в нашу литературу. Они пришли из народных слоев. Отличительная их черта — свежесть, темперамент. У них глаза детей и дикарей. Все их поражает, их волнует. Их реакции неистовы.

Пока это просто природы, интересные своей дерзостью и примитивной чувственностью, но еще очень далекие от истинного искусства как суммы культуры, строя, работы <...>

¹ BnF. Manuscrits. Fonds Romain Rolland. Bouvine (Ivan). Deux lettres (1922–1923).

² Ibid. Lettre à Romain Rolland du 6 janvier 1923.

³ См. об этом: [Рощин 2000: 66–74].

Пусть мои критические замечания <...> не вселят Вам в голову мысль, что я враг нового. Далеко не так! Но я думаю, что в литературе, как и во всех иных человеческих сферах, эволюция здоровее, полезнее революции» [Kessel 1923].

Это было в сущности первое развернутое интервью с Буниным на страницах франкоязычной прессы. И в нем он достаточно определенно обозначил свои умеренно консервативные, достаточно традиционалистские, неоклассические установки. В любом случае места для риторических спекуляций во французской критике на тему его «подсознательной», «художнической» причастности революции оставалось все меньше.

Постепенно интерес к Бунину в левой парижской печати падал. Градус симпатий тоже понижался. Оживление внимания к писателю в связи с присуждением ему в 1933-м Нобелевской премии было временным и общей тенденции не изменило.

Уже в 1925 г. «L'Humanité», забыв о былом расположении, совершает первый выпад против Бунина, отнеся его наряду с Мережковским — в кристаллизующемся стерильном стиле ритуальных партийных поношений — к «утонченному цвету контрреволюции, всей этой старорежимной интеллектуальной сволочи, перед которыми французская буржуазия отворяет двери <...> светских салонов» [Bolcheviks 1925].

Разгром троцкистской оппозиции в Коминтерне привел к еще большей идеологической поляризации. Таких широких интеллектуалов, как Морис Парижанин, в центральном органе французской компартии уже не терпели. К тому же по времени эти процессы совпали со знаменитой публичной полемикой между Буниным и Бальмонтом, с одной стороны, и Роменом Ролланом — с другой. В ноябре 1927 г. по случаю десятилетия Октября французский классик выступил в печати с пафосным воззванием под красноречивым названием «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов». В январе 1928 г. оба русских писателя-эмигранта ответили ему со страниц газеты «L'Avenir» сдержанно-корректными по форме, но яростными по существу открытыми письмами возмущения и протеста. Так, Бунин адресовал своему прославленному собрату, которым был многим обязан, такие слова:

«<...> Может быть мои слова дойдут до Романа Роллана <...>

Он соблаговолил направить мне несколько писем, в которых оказал любезность назваться моим “искренним поклонником”; в частности, в июне 1922 года он мне написал:

“Вероятно, что многие идеи нас разделяют или, скорее, в соответствии с мировыми стандартами, должны бы нас разделять. Мне, со своей стороны, до этого нет дела. Я вижу лишь одну вещь: гениальную красоту ваших рассказов и обновление Вами этого жанра русского искусства, уже столь богатого, сущность и форму которого вы находите способ еще обогатить...”

<...> Если некоторые из нас ненавидят русскую революцию, это единственно потому, что она чудовищно оскорбила надежды, которые мы на нее возлагали; мы ненавидели в ней то, что мы всегда ненавидели и будем ненавидеть и впредь: тиранию, произвол, насилие, ненависть человека к человеку,

одного класса к другому, низость, бессмысленную жестокость, попрание всех божественных предписаний и всех благородных человеческих чувств, коротко говоря, торжество хамства и злодейства.

“Вероятно, что много идей нас разделяет...” Увы! С глубокой болью, с содроганием я констатирую в данный момент, насколько Ромен Роллан был прав!.. Все же, я не теряю надежды увидеть его отвергнувшим “идеи”, которые сегодня так глубоко разделяют нас”¹.

Роллан не оставил без ответа этот выпад. Его выступление со страниц февральского номера «Eugore» за 1928 г. в СССР перепечатал «Вестник иностранной литературы». К полемике на стороне западного мэтра подключились Горький и Луначарский². В результате имя «законченного антисоветчика» Бунина оказалось окончательно и надолго стигматизировано радикально левой, коммунистической и просоветской французской печатью.

Реалии 1930-х только усугубили ситуацию. Когда в 1936 г. уже нобелевский лауреат Бунин при пересечении германо-швейцарской границы был подвергнут унижительному обыску и издевательскому допросу заподозрившими его в «большевизме» нацистскими службистами, эта история вызвала почти всеобщее международное возмущение. Через собственное официальное информагентство германские власти были вынуждены унижительно оправдываться. И лишь коммунистическая «L'Humanité» свой иронический не подписанный рассказ об этой истории заключала издевательским риторическим вопрошанием: «Куда катится мир, если Гитлер не опознает своих?» [Nos échos 1936].

Так за полтора десятилетия в восприятии крайне левой французской прессы бывлой «подсознательный революционер» Иван Бунин превратился в фашиста. Впрочем, эволюция эта в масштабе динамики литературной репутации одного конкретного писателя отразила значительно более широкие процессы тоталитаризации общественных институтов, идеологического сознания и риторических практик.

ЛИТЕРАТУРА

Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. — М.: Наследие, 1998. — 640 с.

Литературное наследство. — М.: Наука, 1973. — Т. 84: Иван Бунин. — Кн. 2. — 551 с.

Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). — Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2007. — 632 S.

Марченко Т. В. Введение к разделу «I. Французская (франкоязычная) критика» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. — М.: Книжница. Русский путь, 2010. — С. 499–541.

Морис Парижанин. <Предисловие к французскому переводу «Деревни»> // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. — М.: Книжница. Русский путь, 2010. — С. 580–582.

Роцин М. Иван Бунин. — М.: Молодая гвардия, 2000. — 329 с.

Яновский В. С. Сочинения: в 2-х т. — М.: Гудьял-Пресс, 2000. — Т. 2. — 496 с.

¹ Цит. по [Бунин 1998: 265].

² Подробнее об этой полемике см.: [Бунин 1998: 576–577].

Les Bolcheviks. Petit marché des lettres et des arts // L'Humanité. — 17.11.1925. — P. 2.

Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe, avec l'autorisation de l'auteur, par Maurice. — Paris: Bossard, 1921. — 343 p.

Bounine I. Le Village. Roman. Traduit du russe par Maurice. — Paris: Bossard, 1922. — 292 p.

Bounine I. La Calice de la vie: Contes et nouvelles. Traduit du russe, avec l'autorisation de l'auteur, par Maurice. — Paris: Bossard, 1923. — 236 p.

Bounine I. Le Fol artiste // Europe. — 1923. — № 1, 15 février. — P. 61–74.

Bounine I. A la Source des jours. Roman. Traduit du russe avec un avant-propos par Maurice Parijanine. — Paris: Stock, 1935. — 251 p.

Kessel J. Lettres étrangères. Visite à Ivan Bounine, Membre de l'Académie Impériale de Russie // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. — 24.03.1923. — P. 4.

Antologie des poètes russes traduits en vers français par O. Lanceray. — Paris: Bernard Grasset, 1911. — 339 p.

M. M. Les livres. Quelques romans <Rec.: Ivan Bounine. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe par Maurice (Editions Bossard, 5 fr. 50)> // L'Humanité. — 18.12.1921. — P. 4.

[Maurice] Parijanine. Ivan Bounine // L'Humanité. — 31.01.1922. — P. 2.

[Maurice] Parijanine. A travers les revues. Europe // L'Humanité. — 11.03.1923. — P. 4.

Maurice [Parijanine]. Oulianov Lénine // Europe. — 1924. — № 17, 15 Mai. — P. 44–71.

Lvovsky Z. Ivan Bounine. Prix Nobel 1933 // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. — 18.11.1933. — P. 1.

Nos échos. Les malheurs d'Ivan Bounine // L'Humanité. — 02.11.1936. — P. 3.

Régnier H. de. <Rec.: Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe par Maurice. Paris: Bossard, 1921> // Figaro. — 19.12.1921. — P. 3.

Régnier H. de. <Rec.: Bounine I. Le Village. Roman. Traduit du russe par Maurice. Paris: Bossard, 1922> // Figaro. — 20.02.1923. — P. 3.

Trotsky L. Ma vie: essai autobiographique. Traduit sur le manuscrit, par Maurice-Parijanine. — 3 vol. — Paris: Rieder, 1930. — P. 271, 220, 343.

Trotsky L. Histoire de la révolution russe. Traduit par Maurice-Parijanine. — 4 vol. — Paris: Rieder, 1933-1934. — P. 285, 210, 304, 225.

REFERENCES

Bunin I. A. Publitsistika 1918–1953 godov. — M.: Nasledie, 1998. — 640 s.

Literaturnoe nasledstvo. — M.: Nauka, 1973. — T. 84: Ivan Bunin. — Kn. 2. — 551 s.

Marchenko T. Russkie pisateli i Nobelevskaya premiia (1901–1955). — Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2007. — 632 S.

Marchenko T. V. Vvedenie k razdelu «I. Frantsuzskaya (frankoyazychnaya) kritika» // Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve I. A. Bunina. Kriticheskie

otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. N. G. Mel'nikova. — M.: Knizhnitsa. Russkiy put', 2010. — S. 499–541.

Moris Parizhanin. <Predislovie k frantsuzskomu perevodu «Derevni»> // Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve I. A. Bunina. Kriticheskie otzyvy, esse, parodii / pod obshch. red. N. G. Mel'nikova. — M.: Knizhnitsa. Russkiy put', 2010. — S. 580–582.

Roshchin M. Ivan Bunin. — M.: Molodaya gvardiya, 2000. — 329 s.

Yanovskiy V. S. Sochineniya: v 2-kh t. — M.: Gud'yal-Press, 2000. — T. 2. — 496 s.

Les Bolcheviks. Petit marché des lettres et des arts // L'Humanité. — 17.11.1925. — P. 2.

Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe, avec l'autorisation de l'auteur, par Maurice. — Paris: Bossard, 1921. — 343 p.

Bounine I. Le Village. Roman. Traduit du russe par Maurice. — Paris: Bossard, 1922. — 292 p.

Bounine I. La Calice de la vie: Contes et nouvelles. Traduit du russe, avec l'autorisation de l'auteur, par Maurice. — Paris: Bossard, 1923. — 236 p.

Bounine I. Le Fol artiste // Europe. — 1923. — № 1, 15 février. — P. 61–74.

Bounine I. A la Source des jours. Roman. Traduit du russe avec un avant-propos par Maurice Parijanine. — Paris: Stock, 1935. — 251 p.

Kessel J. Lettres étrangères. Visite à Ivan Bounine, Membre de l'Académie Impériale de Russie // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. — 24.03.1923. — P. 4.

Antologie des poètes russes traduits en vers français par O. Lanceray. — Paris: Bernard Grasset, 1911. — 339 p.

M. M. Les livres. Quelques romans <Rec.: Ivan Bounine. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe par Maurice (Editions Bossard, 5 fr. 50)> // L'Humanité. — 18.12.1921. — P. 4.

[Maurice] Parijanine. Ivan Bounine // L'Humanité. — 31.01.1922. — P. 2.

[Maurice] Parijanine. A travers les revues. Europe // L'Humanité. — 11.03.1923. — P. 4.

Maurice [Parijanine]. Oulianov Lénine // Europe. — 1924. — № 17, 15 Mai. — P. 44–71.

Lvovsky Z. Ivan Bounine. Prix Nobel 1933 // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. — 18.11.1933. — P. 1.

Nos échos. Les malheurs d'Ivan Bounine // L'Humanité. — 02.11.1936. — P. 3.

Régnier H. de. <Rec.: Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco. Traduit du russe par Maurice. Paris: Bossard, 1921> // Figaro. — 19.12.1921. — P. 3.

Régnier H. de. <Rec.: Bounine I. Le Village. Roman. Traduit du russe par Maurice. Paris: Bossard, 1922> // Figaro. — 20.02.1923. — P. 3.

Trotsky L. Ma vie: essai autobiographique. Traduit sur le manuscrit, par Maurice-Parijanine. — 3 vol. — Paris: Rieder, 1930. — P. 271, 220, 343.

Trotsky L. Histoire de la révolution russe. Traduit par Maurice-Parijanine. — 4 vol. — Paris: Rieder, 1933-1934. — P. 285, 210, 304, 225.

Информация об авторе

Вадим Владимирович Полонский — доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: v.polonski@mail.ru.

About the author

Vadim Vadimovich Polonskiy — Doctor of Philology, Professor of RAS, Director of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).